

DOI 10.24412/1026-8804-2024-4-5-29

УДК 327

Курс США по построению Тихоокеанского региона. Место и роль Китая

Виталий Евгеньевич Болдырев,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра глобальных и региональных исследований Инсти-
тута истории, археологии и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: boldyrev89@list.ru

В статье исследованы место и роль Китая в американской политике по построению Тихоокеанского региона. Ключевое влияние на эти усилия Вашингтона оказало американское историческое время, которое понимается как феномен, имеющий пять измерений: динамическое, структурное, нарративное, идейное и культурно-цивилизационное. Также на действия США влияла и пространственно-временная организация региона. В течение 1980-х — середины 2010-х гг. в американской внешней политике господствовали либеральные идеи, имевшие целью построение америкоцентричного экономического пространства, поддерживаемого сводом общих норм и правил. Квинтэссенцией этого курса стало Транстихоокеанское партнёрство (ТТП). Поначалу КНР вписалась в региональную модель, предложенную США, благодаря ёмкому, слабо развитому, но реформирующемуся рынку, а также напряжённым отношениям с СССР. В конце 1980-х гг. впервые возникли причины для негативного восприятия Китая американскими политиками, которые на тот момент были купированы экономическими интересами. Ситуация изменилась к середине 2010-х гг. Во-первых, выросло недовольство выносом производств. Во-вторых, реализуя инициативу ТТП, правительство США упускало новые тенденции по строительству региона. В-третьих, архитектура АТР в сфере безопасности оставляла широкое поле для политического манёвра. В-четвёртых, Китай, заимствовав и адаптировав американские либеральные идеи, предложил свою альтернативу по формированию регионального пространства. Это вызвало недовольство в экономических и политических кругах США. Вследствие этого Вашингтон переосмыслил китайский взгляд на строительство региона («зонтичный» характер идей, государствоцентризм), предложив обширную по своему наполнению индо-тихоокеанскую концепцию и ряд

многосторонних экономических форматов, целью которых открыто обозначено создание америкоцентричного пространства.

Ключевые слова: США, Китай, Шёлковый путь, Индо-Тихоокеанский регион, китайские инициативы, либерализм, внешняя политика, историческое время.

US Policy for the Pacific Region Building: China's Place and Role.

Vitaliy Boldyrev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: boldyrev89@list.ru.

The paper examines the place and role of China in US policy for building the Pacific region. Historical time is a key factor that influenced the US efforts. American historical time is understood as a phenomenon with five dimensions: dynamic, structural, narrative, ideal and cultural-civilizational. Also, US policy was influenced by the spatio-temporal organization of the region. Between the 1980s and the mid-2010s, liberal ideas dominated in American foreign policy and pursued a goal to build an American-centric economic space supported by a set of shared norms and rules. The Trans-Pacific Partnership (TPP) was the quintessence of the course. At first, China fitted in US suggested model of the region due to capacious, poorly developed but reforming market as well as tensions with the USSR. In the late 1980s, for the first time there were reasons for US policymakers to perceive China negatively, which were stopped by economic interests. The situation changed by the mid-2010s. First, there was growing dissatisfaction with the removal of industries. Second, by implementing the TPP initiative, the US government was missing new trends in building the region. Third, the Asia-Pacific security architecture left a wide field for political manoeuvre. Fourth, China, borrowing and adapting American liberal ideas, offered its own alternative for the formation of the regional space. This provoked discontent in US economic and political circles. Therefore, Washington rethought Chinese view on building the region (the “umbrella” nature of basic ideas, state-centrism) and suggested an extensive Indo-Pacific concept and a number of multi-lateral economic formats with directly declared purpose to build the US-centric space.

Keywords: USA, China, Silk Road, Indo-Pacific region, Chinese initiatives, liberalism, foreign policy, historical time.

Период конца 2010-х — начала 2020-х гг. ознаменовался обострением американо-китайского противостояния. На первый взгляд возникает ощущение, что действия Вашингтона в отношении Китая носят реактивный характер и выдвинутая американскими политиками концепция Индо-Тихоокеанского региона является ответом на инициативы и идеи Пекина. Однако нам представляется,

что противостояние в идейной плоскости между двумя ведущими державами современности имеет более сложную динамическую и структурную картину. На неё влияет историческое время стран, пространство и время регионов. Наконец, государства существуют, разрабатывают и реализуют политику не изолировано друг от друга, а значит, способны не только предлагать собственные, но и заимствовать, переосмысливать чужие идеи. В случае взаимных последовательных заимствований возникает их круговая циркуляция, при этом каждая из стран стремится адаптировать чужие разработки в соответствии со своими интересами, особенностями развития.

МЕТОДОЛОГИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

Ключевой для данного исследования выступает категория исторического времени. На сегодняшний день отсутствует универсальное его определение, поскольку разные концепции делают акцент на разных аспектах этого явления. Однако независимо от базовых теоретико-методологических позиций, чаще всего исследователи обращают внимание на пространственно-временной характер исторического времени: оно локализуется на определённом пространстве и связано с конкретным процессом — экономическим, социальным, политическим, идейным и т.д. Пространственный охват может быть самым разным — от локального района до международного региона, однако, как правило, историки не выходят в данном случае за национальные или государственные рамки.

Самой ранней и широко распространённой интерпретацией указанной категории является динамическое время. Наиболее полно его описали в польской историко-материалистической традиции. В ней выделяется три типа времени: циклическое, направленное и нерегулярное. Циклическое время, как правило, характеризует государственный или национальный уровень и предполагает наличие фаз исторического развития общества, которые сменяются сообразно законам его существования. Направленное время связано с ограниченным по хронологическому и географическому охвату процессом или явлением, а также с локальными вариациями общенациональных процессов. Нерегулярное время совмещает в себе признаки циклического и направленного времени и характеризует те процессы, которые являются относительно продолжительными, но не имеют чёткого алгоритма смены фаз развития. В пространстве они могут иметь самую разную локализацию. При этом, как подчёркивал Е. Топольский, чистых, строго соответствующих данной классификации процессов почти не бывает, а совмещение нескольких процессов, различных по своему характеру, в пределах определённого исторического контекста является нормой [54, s. 522—525].

Считается, что циклическое время американской истории лучше всего описывает концепция А.М. Шлезингера-младшего [49], согласно которой всё историческое время США заключено в рамки одного циклического вектора. Каждый цикл имеет фазы активизма, когда предлагаются и внедряются новые идеи, пика, в период которого эти новации успешно работают, и упадка, когда они дают сбой, появляется новая проблема, провоцирующая социальную реорганизацию общества и начало нового исторического цикла. Однако такая трактовка интерпретирует США как синхронную, а значит, уязвимую перед кризисами систему, в то время как история свидетельствует об обратном, поскольку американское общество всегда их преодолевало. Внимательное прочтение монографии В.Н. Гарбузова [4] позволяет говорить об асинхронности циклов. Она задаётся последовательной сменой социально-политического, властного и экономического циклов с произвольной очерёдностью, при этом смена последнего всегда задерживается и сопровождается активной политической борьбой. Направленное время в данной статье логично будет увязать с интересами определённых групп общества, влиявших на внешнюю политику. Нерегулярное время в соответствии с традициями российской американистики связано с развитием политических партий [3; 12].

П. Осборн, признавая за динамическим временем лишь одно измерение исторического времени, дополняет его ещё двумя: структурным и нарративным [46]. Отдельных элементов структурного времени касались представители советской историко-материалистической традиции [9], структурализма американской политологии [33; 40], британской эпистемологии [46] и германской истории повседневности [8]. В рамках настоящего исследования мы затронем его вскользь. Больше всего нас будут интересовать отдельные элементы освоения социального пространства [8, с. 59—60] некоторыми группами американского общества.

Нарративное время в данной статье понимается в соответствии с концепцией П. Осборна как трактовка прошлого, интерпретация настоящего и видение будущего, которые заключены в тексте. С этой концепцией соотносится определение нарратива И.С. Семененко. Она выделяет три его уровня: постнарратив в виде тщательно разработанной социально-политической теории, нарратив о состоянии в виде общей идеи или концепции, объясняющей образ действия, и дискурс как коммуникативная форма практики, связанная с состоянием субъекта, которая создаёт рамки для нарратива. Два последних уровня представляют здесь наибольший интерес, поскольку с их помощью влиятельные группы общества навязывают другим свои взгляды, модель поведения, формирующие образы действительности и грядущих перспектив [5, с. 12, 421—422].

В то же время представляется, что ограничивать понятие исторического времени тремя измерениями было бы некорректным.

С учётом исследований США 2000—2010-х гг. можно говорить ещё о двух его аспектах. Работы Г. Киссинджера [38] и М.А. Портного [20, с. 226—229] позволяют выделить время идей, которое характеризуется их господством, остаточным влиянием, уходом в тень, возрождением на новой основе или в новом контексте. Обозначенные В.В. Согриным [15] основания американской цивилизации указывают и на существование культурно-цивилизационного времени, темпорального фундамента, в соответствии с которым общество продуцирует собственные или заимствует чужие идеи, помещая их в базовые координаты национального мышления.

Наконец, пространственно-временными характеристиками обладает и регион. Особенности его понимания в науке о международных отношениях [11, с. 221—225] позволяют выделить следующие параметры регионального исторического времени: жизненный цикл идей; процессы, возникающие самостоятельно или становящиеся следствием идей и мыслительных каркасов; наличие и характер многосторонних форматов или их отсутствие; комплекс функциональных подсистем и связанные с ним проблемы; структура двусторонних и многосторонних отношений.

С учётом понимания категории исторического времени цель настоящего исследования заключается в том, чтобы определить место и роль Китая в той версии Тихоокеанского региона, которую создают США. Признавая историческое время как результат длительного процесса, в данной статье ставим следующие задачи: проанализировать связанные со строительством Тихоокеанского региона элементы американского исторического времени, выявить место КНР в этом процессе, сравнить регионостроительные курсы США и Китая в 2000-х — начале 2020-х гг. как практическое внедрение комплекса идей, имеющего гомогенные и заимствованные основания.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ США НА РУБЕЖЕ XX—XXI вв.

Ключ к пониманию современной конкуренции США и Китая кроется в процессах, происходивших в последней четверти XX в. В течение 1978—1985 гг. произошла смена американских исторических циклов. На место кейнсианского пришёл неоконсервативный курс, который внутри страны предполагал ограниченное государственное вмешательство и снижение налогов, а во внешней политике — торгово-экономический либерализм, опору на силу, защиту прав человека. В целом эти аспекты политики покоились на отдельных элементах культурно-цивилизационного фундамента. Либерально-капиталистический индивидуализм вместе с подвижным фронтиром, который в экономической сфере понимался как граница жизненного пространства, определили, что интересам

США отвечает пространство, в пределах которого действуют нормы и принципы свободной торговли, позволяющей выигрывать всем участникам [22, р. 512]. Имперский мессианизм всегда был ориентирован на то, чтобы обеспечить доминирование американских политических идей, признание главенства за американскими концепциями, нормами, опытом. Кроме того, значимое влияние на американскую внешнеполитическую теоретическую и практическую мысль в этом аспекте оказало окончание холодной войны, которое было воспринято как победа над опшонирующей Соединённым Штатам континентальной силой Евразии. При этом, как свидетельствует Стратегия национальной безопасности 1990 г. [44], противостояние таким силам стало определяющим фактором, наполняющим внешний курс глубинным смыслом, а поражение фашистской Германии и распад социалистической системы, крайнее ослабление СССР превратились в символические свидетельства американского могущества, в котором не могло быть сомнения. В то же время ситуация указывала на то, что любая страна Евразии, которая в будущем предпримет попытку усилиться и поставить под сомнение американское лидерство, будет воспринята как враждебная евразийская сила, которой необходимо противостоять военными или невоенными методами.

С учётом того, что либерально-экономические и триумфалистские установки в начале 1990-х гг. разделялись не только правящей Республиканской, но и оппозиционной Демократической партией, к этому моменту сформировалась достаточно устойчивая темпоральная платформа внешней политики США, ставшая базовой для обеих партий: её фундаментом служила специфическая комбинация элементов коллективного бессознательного, а практическим выражением — ряд ключевых идей, которые определили облик очередного цикла исторического времени США.

Здесь нас больше всего интересует хозяйственная, в том числе внешнеэкономическая, составляющая этого комплекса. Стремясь воплотить в жизнь принципы свободной торговли, американские политики предприняли попытки реализовать три инициативы: североамериканскую зону свободной торговли (ЗСТ), идею Шёлкового пути, транстихоокеанскую ЗСТ. Первая, североамериканская, была запущена в практическую плоскость в 1994 г. вместе с соглашением НАФТА. Она имела следующие пространственно-временные особенности. Во-первых, она была реализована в отношении соседей, Канады и Мексики, с которыми США имели длительные и диверсифицированные экономические отношения. В то же время нельзя забывать, что эти страны находятся в Западном полушарии, которое с момента издания доктрины Монро рассматривается в Вашингтоне как сфера безусловных интересов Соединённых Штатов, а последние — как центр обеих Америк. Это указывало на то, что соглашениям о свободной торговле (ССТ) отводилась

роль системообразующих при формировании американского мира. Во-вторых, в рядах Демократической партии возобладали мнение, что справедливый для США миропорядок может быть построен не только с помощью военной силы, но и иных несиловых инструментов [12, с. 461]. Иными словами, в 1990-е гг. Вашингтон сделал пробный шаг на пути к построению нового мира, части которого должны быть скреплены торгово-экономическими отношениями.

С учётом того, что к началу 2000-х гг. исторический цикл достиг своего пика, о чём свидетельствовала близость предвыборных программ обеих партий и типичность их инструментов экономической политики [12 с. 453—454; 18, с. 253—261], фактически развернулась межпартийная борьба по вопросу, каким будет практическое наполнение либерального внешнеэкономического курса.

В 1999 г. республиканская оппозиция предложила идею Шёлкового пути на континентальных пространствах постсоциалистической Евразии, которую она стремилась оформить в виде закона [32]. Согласно данному законопроекту, предполагалось создание транспортно-производственного коридора на территории среднеазиатских бывших республик СССР и Китая. При этом роль производственной зоны отводилась постсоветским государствам. По мнению разработчиков, Соединённые Штаты могли стать для них новым хозяйственным центром в условиях дезинтеграции экономики между бывшими советскими республиками, структура которой была тесно связана с потребностями России. Китаю же отводилась функция связующего звена между США и континентальными глубинами Евразии, которое должно было обрасти необходимой транспортной и производственной инфраструктурой.

Однако этот проект так и не был реализован. Впоследствии в период республиканского правления в 2005—2006 гг. либеральная внешнеэкономическая политика была активизирована: был заключён ряд двусторонних ССТ, отношения в рамках существующих форматов стали более интенсивными, была выдвинута идея транстихоокеанской ЗСТ [41], а логичным следствием этого шага было присоединение США к Транстихоокеанскому партнёрству в ноябре 2008 г., которое стало ядерным проектом тихоокеанского курса Б. Обамы. В целом идея ТТП предполагала максимальную либерализацию торгово-экономических отношений, архитектура которых основывалась бы на международных производственно-сбытовых цепочках и общих регулирующих нормах и процедурах.

В то же время нужно иметь в виду, что данная модель отношений была основана на максимальном открытии рынков стран друг для друга — товарных, финансовых, инвестиционных, технологических, производственных. Последнее предполагало вынос производств из материнских стран в другие независимо от того, входили ли они в реализацию некой многосторонней инициативы, заключили ли двустороннее ССТ, видели ли их американские

политики полноценными партнёрами. Иными словами, на волне либеральной внешнеэкономической политики офшоринг возник и существовал как нормальная хозяйственная практика, которая находила поддержку у широких слоёв американского населения до середины 2000-х гг. Первыми, кто стал выступать против выноса производств, были мичиганские автомобилестроители, о чём свидетельствовала предвыборная программа Б. Обамы, когда он в 2006 г. баллотировался в Сенат (приводится по: [17]). Однако с 2008 г. на волне экономического кризиса недовольство постепенно охватило не только старые, но и новые и новейшие отрасли промышленности. Разделяющие эту точку зрения политики с 2010 г. стали предпринимать систематические усилия, чтобы добиться поддержки национального производителя и ограничить иностранных конкурентов, при этом главной мишенью их критики оказался Китай [27; 28; 29], который за счёт более дешёвой рабочей силы стал главным бенефициаром возникших международных производственно-сбытовых цепочек.

С 2014 г. реиндустриализация становится ключевой тенденцией хозяйственной жизни США [16], с 2017 г. их правительство прислушивается к позиции соответствующих компаний, вследствие чего вводятся ограничительные меры, в том числе узкоотраслевые и направленные в отношении отдельных стран [23, р. 307]. В 2020-х гг. с приходом к власти Дж. Байдена и вовсе стали предприниматься меры по сохранению за американскими компаниями центрального места в мировой экономической системе, позволяющего обеспечить поступательный качественный рост национальной экономики.

Это свидетельствовало о том, что с 2014 по 2021 г. в Соединённых Штатах сменился исторический цикл: на смену идеям либерализма пришло понимание приоритета национального пространства, укрепились позиции компаний, выступавших за создание предприятий в США, а не обширных производственно-сбытовых цепочек мирового масштаба.

МЕСТО КИТАЯ В ТИХООКЕАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ США

Параллельно США прикладывали усилия по построению Тихоокеанского региона, отвечающего их интересам. В подобном случае независимо от исследуемого государства внешняя политика сталкивается с особенностями исторического регионального времени (ИРВ).

Особенности понимания региона в исторической науке [54, s. 522—525] и науке о международных отношениях [11, с. 221—225] позволяют выделить следующие параметры ИРВ. Во-первых, это жизненный период идей, которые могут быть представлены

как в виде обобщённых формулировок (например, свободная торговля, экономический либерализм), так и в виде конкретных многосторонних проектов. Во-вторых, на определённом пространстве некоторые процессы возникают и развиваются независимо от их осмысления человеком, другие же становятся следствием какой-либо идеи или устойчивого мыслительного каркаса, доминирующего в принятии решений правительствами. В-третьих, пространство региона может характеризоваться как наличием организаций и форматов, объединяющих государства, так и их отсутствием или фрагментированностью. Такое положение может быть вызвано или наличием острой международной ситуации, или отсутствием общих для всех стран региона каналов взаимодействия. В-четвёртых, на конфигурацию региона влияют господствующие функциональные подсистемы, которые определяют повестку межгосударственных отношений. Эти проблемы в зависимости от конкретного пространства и времени могут носить экономический, военно-политический, социальный, технологический, экологический или гражданско-гуманитарный характер. В-пятых, временная конфигурация задаётся также структурой двусторонних и многосторонних отношений в регионе.

Исходным рубежом по формированию современного Тихоокеанского региона Соединёнными Штатами следует считать конец 1970-х — начало 1980-х гг., хотя не в том смысле, что с того момента стали прикладываться системные и последовательные усилия по его строительству, а в том, что тогда начались процессы, позволяющие лучше понимать текущее состояние проблемы.

К 1980-м гг. в американском внешнеполитическом планировании возобладало доминирование малых «классических» регионов [14, с. 229—231], а в период президентства Р. Рейгана присутствие США в них, если следовать логике изложения П. Швейцера, было подчинено наступательной антисоветской стратегии [19]. Тогда же стала продвигаться идея свободной торговли как маркера американского жизненного пространства [22, р. 512].

Эта политическая конъюнктура помещала Китай в центр тихоокеанской стратегии США: он имел конфликтные отношения с СССР и огромный неосвоенный внутренний рынок, который за счёт дешевизны рабочей силы и благодаря начавшимся реформам стал привлекательным для зарубежных инвесторов. Так, к началу 1980-х гг. между США и КНР были заключены двусторонние соглашения о развитии научных и технических связей в областях сельского хозяйства, медицины, электроники, коммуникаций, аэрокосмической сферы [10, с. 118—121]. В 1981 г. была организована двусторонняя комиссия для устранения торговых барьеров. По итогам её работы были отменены лицензирование каждого отдельного случая торговли товарами и передачи технологии, предназначенных для гражданского применения, двойное обложение

товаров пошлинами [21, р.1005—1007; 37]. Вследствие этих мер с 1980 по 1986 г. объёмы товарооборота выросли с приблизительно 1 млрд долл. до более 8 млрд долл., а общий размер американских инвестиций в китайскую экономику достиг 1,5 млрд долл. [22, р. 538]. В целом это указывало на то, что Китай смог вписаться в конъюнктуру американской экономической модели 1980-х гг. Для неё определяющим фактором была высокая зависимость производства от экспорта: по данным американского правительства четыре из пяти новых рабочих мест были связаны с ним. При этом каждый миллиард долларов, полученный от продаж за рубежом, обеспечивал работой 30—40 тыс. чел. [21, р.194].

1980-е гг. стали и временем, когда формировались базовые элементы восприятия Китая американскими политиками. Описанное выше положение указывало на то, что он расценивался как государство, которое поддерживает выгодный США политический порядок в мире, выступает за жизненно важную для них свободную торговлю.

Правда, в 1987 г. на фоне напряжённости в Тибете стало складываться и негативное восприятие, связанное с подавлением демонстраций в данном регионе и игнорированием требований тибетцев обеспечить более широкую национально-культурную автономию. Эти действия в Вашингтоне были восприняты как нарушение прав человека, а американское правительство стало придерживаться достаточно жёсткой линии [22, р. 540—543]. Её квинтэссенцией стали санкции США, введённые после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., которые тем не менее в течение последующих трёх лет Вашингтон поспешил отменить, объяснив свой шаг тем, что они стали причиной больших убытков для американского бизнеса [50].

Таким образом, к началу постбиполярной эпохи в американском сознании Китай продолжал восприниматься прежде всего как экономический партнёр, в то же время негативное отношение к нему как к стране, в которой не соблюдаются права человека в американском их понимании, осталось, а значит могло проявиться в любой момент в будущем. При этом функциональная проблематика не была обязательной, главным оставался мотив несоответствия китайского поведения американским стандартам.

В 1990-е гг. Вашингтон сделал ставку на то, чтобы занять доминирующее положение в азиатско-тихоокеанской торговле посредством участия в международных организациях и форматах: через них американские политики были намерены продвинуть свод юридических норм и правил, которые определяли бы экономические отношения между странами в пределах определённого пространства. При этом наиболее прочно данные намерения закрепились в программных внешнеполитических представлениях Демократической партии [12, с. 446]. Впоследствии эта идея стала основой

для Соглашения о ТТП, которое разрабатывалось при активном участии США в период правления президента-демократа Б. Обамы.

Как свидетельствует текст Соглашения о ТТП, его положения должны были регулировать 27 различных аспектов экономической деятельности. В свою очередь официальные комментарии к нему, которые были изданы Новой Зеландией как страной-депозитарием, указывают, что эти аспекты были сгруппированы в девять проблемных полей: защита интеллектуальной собственности [57], доступ к товарным рынкам [55], труд и экология [59], предприятия с государственным участием [63], инвестиции [58], государственный заказ [56], доступ к рынкам услуг [61], рынок медицинских и фармацевтических товаров [62], правовые основания [60]. Текст официальных комментариев указывал на то, что ключевой целью Соглашения о ТТП была либерализация как хозяйства самих подписантов, так и их внешнеэкономических отношений, а средством её достижения и обеспечения служил созданный свод правил, обязательный для всех участников объединения. Эти правила ограничивали возможности экономик, основанных на экстенсивном труде, вводили для государственного сектора рыночные модели управления в качестве обязательных, обеспечивали преимущества для наиболее передовых и технологичных отраслей промышленности, в том числе сообразно американскому новейшему опыту применения Торгового закона 1974 г.¹, устанавливали общие стандарты для наёмного персонала, вводили чёткое правовое сопровождение инвестирования, определяли механизмы и случаи действия нетарифных ограничений, а также применения нерыночных форм поддержки и регулирования хозяйства. Иными словами, преимущества получали страны с наиболее развитой и диверсифицированной рыночной экономикой, регулярно внедрявшей новые технологии в ключевые для национальных хозяйств отрасли, а наиболее сильным из их числа являлись Соединённые Штаты.

В то же время ставка на экономику не означала уход военно-политической сферы в тень. В 1990-е гг. её развитие характеризовалось консервацией прежней архитектуры, секьюритизацией нетрадиционных проблем и доминированием традиционных аспектов «жёсткой» безопасности, противопоставлением интересов одной страны интересам группы стран или какой-либо иной страны. Вследствие этого в регионе возникла сеть трёхсторонних

¹ Как свидетельствует аналитический доклад И. Фергюссона, с середины 2000-х гг. ст. 301 Торгового закона стала применяться для ограничения доступа иностранных производителей к отраслевым рынкам США с целью соблюдения норм американского авторского и патентного права. Тем самым обеспечивалось преимущество американских разработчиков перед зарубежными конкурентами, поскольку последним для поставок аналогичного товара в США требовалось доказать приоритетность разработки [53].

американских квазиальянсов, членом каждого из которых была Япония [34; 51]. В результате к середине 2010-х гг. на Тихом океане сформировалась сложная многоуровневая архитектура отношений США в сфере безопасности, которая характеризуется наличием военно-политических альянсов, а также партнёрств, которые сосредоточены на ограниченном круге проблем и предполагают меньший уровень поддержки и обязательств, нежели союзнический [7].

В контексте более широкой политической стратегии предпринимавшиеся Б. Обамой усилия соотносились с положениями внешнеполитической школы многосторонних альянсов, представители которой исходили из того, что союзники и партнёры США, разделяя их принципы и внедряя их в собственную практику, создадут региональную среду, способную изменить международное поведение Китая [24, р. 148].

Однако реализуя собственную стратегию по строительству региона, Б. Обама упустил аналогичные стремления других стран. Наиболее благоприятные для них условия возникли на рубеже 2000—2010-х гг.: был исчерпан идейный ресурс экономического курса США, поскольку был запущен переговорный процесс в рамках ТТП, которое представлялось квинтэссенцией либеральной внешнеэкономической идеи; в сфере безопасности ввиду консервации и незначительной модификации архитектуры периода холодной войны сохранялось широкое поле для политического манёвра, нацеленного на укрепление военно-политического начала в регионе, которое могло быть основано на противостоянии некоторой силе.

В области идей происходили следующие изменения. Р. Каплан [36; 37] указывал, что расширение жизненного пространства ведущих держав в 2010-х гг. будет связано с Индийским океаном, а Китай пойдёт на Запад, строя дуги через Индийский океан и континентальные глубины Евразии. В этих условиях Э. Экономидис [31] считала необходимым добиться от КНР признания главенства либеральных правовых норм. Р. Саттер выступал за адаптацию существующей американской стратегии. По его мнению, необходимо было расширить круг американских партнёров в политической, экономической и военной областях, а также в сфере безопасности независимо от их географического положения относительно Китая. Среди этого круга стран Р. Саттер считал необходимым выделить особую группу партнёров, которым Вашингтон помогал бы создавать государственные институты и строить общественно-политические отношения по американскому образцу и подобию. Они рассматривались как наиболее надёжные сторонники США [52, р. 123—126]. Т. Кристенсен, резюмируя существовавшие независимые и проправительственные экспертные мнения, касавшиеся политики в отношении Китая, писал, что она со второй половины 2010-х гг. будет определяться наличием правительственного нарратива, принуждающего Пекин сотрудничать с Вашингтоном,

установкой на вовлечение КНР в многосторонние и глобальные инициативы, отвечающие американским интересам, развитием двусторонних форматов взаимодействия, которые позволяли бы не только совместно писать правила поведения, но и сохранить США опосредованный контроль за Китаем и закрепить за собой роль нормотворческого центра в ведущих функциональных сферах (эколого-климатической, технологической, кибернетической) [26, р. 298—312]. В Министерстве обороны США также начался пересмотр планирования, результатом которого стало возникновение идеи Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), возрождавшей логику соперничества и противостояния другому центру мировой системы [48].

Таким образом, в Соединённых Штатах правительство в целом продолжало придерживаться старой либеральной регионоустойчивой политики, в то же время в экспертных кругах, а позже и в Министерстве обороны формировались иные представления, какой должна быть стратегия по строительству региона в географическом и смысловом аспектах.

КИТАЙСКИЕ ШАГИ ПО ПОСТРОЕНИЮ РЕГИОНА

В целом в международных отношениях период до середины 2010-х гг. был спокойным и благоприятным для возвышения Китая. Господствовавшие в мире и, прежде всего, в АТР тенденции отразились на китайском понимании международной системы, что впоследствии нашло отражение в китайских инициативах. В них прослеживается приверженность свободной торговле, секьюритизация невоенных проблем, создание жизненного пространства, внедрение правовых норм и практик через контакты с другими странами [2; 6].

Простое возвышение Китая, основанное на использовании преимуществ от встраивания в существующий порядок, закончилось к середине 2000-х гг. К этому времени Р. Пардо [47] относит истоки современной внешнеполитической логики КНР, которая связана с построением многосторонних инициатив, к участию в шестисторонних переговорах по ядерной проблеме Корейского полуострова. Проведённое им исследование позволяет выделить следующие базовые характеристики китайских инициатив. Во-первых, они носят «зонтичный» характер, который даёт возможность наполнить широкую по смыслу формулировку или участие в некотором многостороннем формате разнообразным практическим содержанием, относящимся к разным странам-партнёрам и к разным функциональным сферам. Впервые подобная стратегия была апробирована в рамках шестисторонних переговоров, в ходе которых Пекину удалось занять одно из центральных мест в переговорном

процессе по денуклеаризации Корейского полуострова, обеспечить создание трёхстороннего формата «КНР — Республика Корея — Япония», наладить многомерные отношения с Соединёнными Штатами на двусторонней основе. Логичным следствием последней линии стал запуск Стратегического и экономического диалога (СЭД). Параллельно Китай продвигал идею Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства в отношении стран Восточной Азии. На этапе, предвещающем создание этого многостороннего формата (до 2022 г.), отчётливо проявилась «нишевая специализация участников» как его характеристика. Японии отводилась роль одного из технологических центров, поскольку её промышленность была способна производить наиболее сложные и передовые товары, Южной Кореи — роль потребителя и лидера машиностроительной отрасли [25], Вьетнаму, Индонезии, Малайзии, Таиланду — роль торговых и производственно-кооперационных партнёров [26, р. 18, 22], Лаосу и Камбодже — роль транспортного коридора и получателей соответствующих инвестиций [30], Мьянме — роль транспортного коридора и потенциальной зоны выноса трудоёмких производств товаров с низкой добавленной стоимостью или простейших комплектующих [39].

Во-вторых, после начала работы СЭД эти инициативы приобрели китаецентричность, под которой, прежде всего, понимается приоритетное внимание к Китаю, проявляемое другими государствами в контексте форматов взаимодействия или международных инициатив Пекина.

Такое положение поддерживается созданием китайского нарратива о состоянии, который предлагает китайские управленческие решения, соответствующие китайской логике мышления. Подобно тому, как на Западе в 1970-х гг. в этом качестве возникла концепция устойчивого развития (приводится по: [5, с. 441]), Пекином были предложены инициатива «Глобальной безопасности» [6], инициатива «Глобального развития» [2] и «Глобальная инициатива цивилизаций».

В то же время квинтэссенцией китайских усилий по строительству своей версии регионального пространства остаётся инициатива «Пояса и пути». Обладая гибкостью и способностью адаптироваться под каждый конкретный случай, она предполагает развитие отраслевого сотрудничества, устранение барьеров для инвестиций и движения капитала, оптимизацию международных производственных и сбытовых цепочек, развитие инфраструктуры, интеграцию морского и сухопутного пространств, организацию новых многосторонних механизмов по принципу «Китай — группа заинтересованных стран» [13].

Эти характеристики в той или иной мере соотносятся с прежней дальневосточной системой международных отношений раннего Нового времени, основанной на китаецентричности, экономической

мощи Китая, формальном признании его первенства [1, с. 68]. И хотя эти характеристики, выведенные В.Я. Белокреницким, не являются архетипом или представлением коллективного бессознательного, их можно принять за опорные элементы воспроизводимой поведенческой модели, присущей китайскому обществу.

Иными словами, Китай заимствовал отдельные американские идеи, относящиеся к либеральному миропорядку, осмыслил региональное положение, возникшее вследствие политики США, и отдельные западные поведенческие клише, переложил их на собственную культурно-цивилизационную основу, стал использовать в стратегических и тактических целях, воспроизводя одновременно западные и американские заимствования в китайских культурных условиях, а также базовые элементы доколониальной дальневосточной системы международных отношений в глобальном контексте XXI в.

ОТВЕТ США НА УСИЛИЯ КИТАЯ

Такая политика КНР не могла быть позитивно встречена в США, поскольку в соответствии с американскими культурно-цивилизационными координатами она воспринималась как оппозиция американским усилиям по распространению либерально-демократического порядка в экономической и политической сферах, а сам Китай превращался в противостоящую Америке континентальную евразийскую силу, с которой необходимо бороться. Более того, для такого подхода к КНР в Соединённых Штатах сформировались благоприятные внутренние условия: выросло социальное и экономическое недовольство её уровнем хозяйственного и технологического развития, а в предыдущие годы возникали предпосылки для негативного отношения Вашингтона к Пекину по политическим причинам. Напомним, что прежде они подавлялись интересами экономического сотрудничества, однако эти мотивы во взаимодействии США с Китаем с середины 2010-х гг. стали неуклонно слабеть.

Первым, кто наиболее полно обозначил своё негативное отношение к КНР в меняющихся региональных и глобальных политических условиях, стало Министерство обороны. В 2016 г. им было чётко сформулировано, что развитие американских двух- и трёхсторонних учений и взаимодействий с Индией, Японией, Австралией, Филиппинами, Таиландом и Вьетнамом направлено на создание условий, которые вынудят Китай соблюдать правила игры в АТР, выгодные этим странам, но не подрывать их. Как следует из текста выступления министра обороны США Э. Картера, эти правила являлись следствием стабильных моделей американского поведения: внедрения свода норм и правил, регулирующих отношения между государствами, и стремления обеспечить свободу навигации в регионе (подобно тому, как в рамках ТТП обеспечивалась свобода

торговли). Кроме того, представлено пространственное масштабирование этой идеи: сначала военные локализовали её только в районе Южно-Китайского моря, далее распространили на АТР, а с 2016 г. стали проецировать и на восточную часть Индийского океана [48].

В 2017 г. Д. Трамп расширил функциональное наполнение индо-тихоокеанской идеи. Она распространялась на проблемы международной торговли, суверенитета, военно-политическое сотрудничество, развитие инфраструктуры и международное право. Ключевой угрозой для стран региона был обозначен Китай [45].

Однако наиболее полно эта идея раскрылась при Дж. Байдене. Прежде всего, её проблемное наполнение стало более разнообразным: к тем вопросам, которые были обозначены Д. Трампом, добавились прозрачность финансовых потоков, инвестиционная активность, телекоммуникации и распространение информации, технологическая и научная кооперация, поведение в киберпространстве [35]. Именно администрацией Дж. Байдена было очень чётко указано, что при реализации индо-тихоокеанской стратегии США будут полагаться не только на союзные и партнёрские страны, действующие договорные отношения и многосторонние организации и форматы, но и на вновь создаваемые. В частности, как декларировалось, реализации этой стратегии должны были содействовать «четвёрка» (Quad), АУКУС, комплекс международных научно-образовательных программ, Индо-Тихоокеанская экономическая основа для процветания (ИТЭОП), G7, НАТО, АТЭС, а также ряд взаимодействий, организованных по принципу «США — другое государство» и «США — многосторонняя организация, объединяющая страны ИТР» [35].

Интерпретации индо-тихоокеанской идеи, зафиксированные в официальных стратегиях США, указывают на то, что она носит «зонтичный» характер и обладает функциональной и пространственной динамикой. Во-первых, с 2016 г. расширился пространственный охват. Если изначально идея связывалась с проблемами Южно-Китайского моря, постепенно она переросла в региональную, а с 2022 г. стала приобретать черты глобальной инициативы. Во-вторых, более диверсифицированным стало её проблемное наполнение. В-третьих, она приобрела характер стержневой во внешней политике Соединённых Штатов, охватывая взаимодействие как в рамках давно существующих форматов, так и вновь созданных. При этом чёткое разделение на глобальные и региональные форматы в данном случае отсутствует.

Отличительной чертой стратегии Дж. Байдена стало то, что все новые форматы были локализованы в области экономики. Первым из них стала ИТЭОП, иначе называемая Индо-Тихоокеанской экономической основой, которая рассматривается Вашингтоном как инструмент интенсификации региональной торговли, развития цифровой экономики, защиты и укрепления производственно-сбытовых международных цепочек, инвестиций в инфраструктуру.

В то же время США воспринимают этот формат как средство для кратного усиления американского экономического и технологического присутствия в ИТР за счёт превращения в ведущего торгово-экономического партнёра для каждого из участников этой инициативы [35].

Вторым является формат «Чип-4», который объединяет США, Республику Корея, Японию и Тайвань — ведущих производителей полупроводников. Он нацелен на то, чтобы обеспечить наиболее технологичные отрасли американского машиностроения бесперебойными поставками чипов, а также создать условия, более благоприятные для доминирования американских технологических гигантов как потребителей, способных своим заказом формировать общие жизненные контуры производителям микроэлектроники и тем самым контролировать технологическое развитие [64].

Третий важный формат, «Партнёрство минеральной безопасности», хотя и не относится конкретно к ИТР, но включает в себя шесть стран региона и ещё две страны, имеющие в регионе владения. Информационная справка на сайте Госдепартамента США позволяет идентифицировать два ключевых измерения данной инициативы: первое связано с внедрением выгодных США норм и стандартов в области добычи и переработки первичного и вторичного сырья, а также производства готовой продукции; второе должно обеспечить стабильность международных поставок металлов, применяемых в ключевых отраслях транспортного, электронного, оптического и энергетического машиностроения [43]. С учётом того, что цепочки поставок рассматриваются администрацией Дж. Байдена как средство укрепления американского экономического присутствия, цель этой инициативы заключается в том, чтобы обеспечить стабильное снабжение американского хозяйства критически важными минеральными ресурсами, необходимыми для производства наиболее технологичных видов продукции. Последнее позволит США укрепить положение лидера на мировом рынке высоких технологий.

Эти три формата указывают, что для американских интеграционных инициатив государствоцентризм стал характерной чертой. В американской версии его суть заключается в переключении наиболее важных торговых потоков сырья, комплектующих, технологий и отдельных товаров на США. При этом самим Соединённым Штатам отводится роль инициатора и контролёра процессов развития критически важных отраслей в странах-партнёрах и производителя наиболее технологичных товаров.

В целом характеристики индо-тихоокеанской идеи, которая кристаллизовалась в виде стратегии, и перечисленных новых форматов свидетельствуют, что Вашингтон воспринял ключевые черты внешнеполитических инициатив Пекина. В то же время заимствования были не прямым копированием, а адаптацией к американскому

пониманию жизненного пространства, осмыслению архетипа подвижного фронта, который стал проецироваться на разные функциональные сферы. Этим самым была расширена «зона жизни» для американской экономики, в которой она чувствует себя свободно и получает необходимые ей преимущества.

Наконец, в меняющемся американском подходе к внешнему миру можно усмотреть и пересмотр отношения правительства США к пониманию внешнеторгового дефицита. Его наличие перестало считаться фактором, негативно влияющим на экономику, и расценивается в качестве условия, обеспечивающего американское главенство как мирового потребителя и производителя наиболее технологичной продукции².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в течение 1980—2020-х гг. произошла следующая эволюция места и роли КНР в американской политике по построению Тихоокеанского региона. Поначалу Китай рассматривался в качестве партнёра по сдерживанию СССР как противостоящей США силы. Параллельно развивавшиеся торгово-экономические связи, а после распада биполярной системы и усложнение региональной среды способствовали сближению двух стран. Это создало благоприятную почву для того, чтобы между государствами произошёл круговой обмен внешнеполитическими идеями. Китай заимствовал свободную торговлю, секьюритизацию, построение своего пространства в мире. Наконец, Шёлковый путь и движение Китая на Запад впервые были предложены американскими политиками и экспертами. США заимствовали «зонтичный» характер идей и государствоцентризм. При этом важным механизмом в процессе заимствований стало их укоренение за счёт культурно-цивилизационных факторов или основополагающих идей развития, которые являются маркерами исторического времени. С помощью этих фундаментальных оснований разные страны делали привнесённые новшества своими, что позволяло продуцировать новые идеи на основе заимствований, запускать подобные механизмы в своих интересах. Это, однако, способствовало не сближению, а большему расхождению стран, что в США стало благоприятным для формирования образа «китайской угрозы», использованной для сплочения коллективного Запада и упрочения позиций Соединённых Штатов в качестве его лидера. Наконец, проявился и дополнительный смысл американского соревнования с Китаем, которое заключается в том, кто лучше на культурно-цивилизационной и исторической основе адаптирует заимствованные идеи и переведёт их в практику.

² Подробнее о восприятии торгового дефицита см.: [19, с. 225—242].

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Белокреницкий В.Я. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 320 с.
2. В Генконсульстве КНР рассказали о выступлении Си Цзиньпина на 76-й сессии Генассамблеи ООН. URL: <https://tass.ru/novosyi-partnerov/12475695> (дата обращения: 16.02.2024).
3. Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // США — Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 5. С. 3—17.
4. Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008. 567 с.
5. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2023. 512 с.
6. Китай опубликовал концепцию инициативы глобальной безопасности. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17099845> (дата обращения: 16.02.2024).
7. Лукин А.Л., Коротич С.А. Между Вашингтоном и Пекином: что ждёт азиатско-тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 5—15.
8. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 271 с.
9. Механизм формирования внешней политики США / под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1986. 216 с.
10. Нагорный А.А., Парканский А.Б. США и Китай: экономические и научно-технические аспекты китайской политики Вашингтона. М.: Наука, 1982. 216 с.
11. Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы / под ред. Н.И. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022. 623 с.
12. Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008. 503 с.
13. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI в. / Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции // Россия и АТР. 2015. № 3. С. 255—270.
14. Советско-американские отношения в современном мире / под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1987. 304 с.
15. Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США // США — Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 5. С. 3—22.
16. Толкачёв С.А., Тепляков А.Ю. Региональная промышленная политика и рещоринг в США // США — Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 10. С. 56—72.
17. Травкина Н.М. Выборы-2008: время несистемных политиков? // США — Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 9. С. 3—36.
18. Травкина Н.М. США: партии, бюджет, политика. М.: Наука, 2008. 275 с.
19. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск: Авест, 1995. 464 с.
20. Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции развития / под ред. В.Б. Супяна. М.: Весь мир, 2018. 424 с.
21. American Foreign Policy. Current Documents. 1983. Washington D.C.: Department of State, 1985. 1477 p.

22. American Foreign Policy. Current Documents. 1987. Washington D.C.: Department of State, 1988. 894 p.
23. Bolton J. The Room Where It Happened. A White House Memoir. New York: Simon & Schuster, 2020. 577 p.
24. Campbell К.М. The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia. New York — Boston: Twelve, 2016. 399 p.
25. Chiang Min-Hua. The Potential of China — Japan — South Korea Free Trade Agreement // East Asia. 2013. Vol. 30. No. 3. P.199—216.
26. Christensen T.J. The China Challenge. Shaping the Choices of a Rising Power. New York — London: W.W. Norton & Company, 2015. 371 p.
27. Congressional Record. Extensions of Remarks. October 10, 2013. P.E1478—E1480. URL: <https://www.congress.gov/112/crec/2013/10/10/CREC-2013-10-10-pt1-PgE1478-3.pdf> (дата обращения: 14.09.2017).
28. Congressional Record — House. November 18, 2010. P. H7594—H7600. URL: <https://www.congress.gov/112/crec/2010/11/CREC-2010-11-18-pt1-PgH7594.pdf> (дата обращения: 14.09.2017).
29. Congressional Record. Proceedings and Debates of 112th Congress, 1st Session. November 17, 2011. Vol. 157. No. 176. URL: <https://www.congress.gov/112/crec/2011/11/17/CREC-2011-11-17.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
30. De Castro R.C. Under the Shadow of the Giants: The ASEAN in Search of a Common Strategy in a Fluid and Perilous Indo-Pacific Region // Asian Journal of Comparative Politics. 2021. No. 1. P. 1—20.
31. Economy E.C. The Game Changer. Coping With China's Foreign Policy Revolution // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. No. 6. P. 142—152.
32. H.R. 1152 — Silk Road Strategy Act of 1999. URL: www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1152 (дата обращения: 25.02.2024).
33. Halperin M., Clapp P. Bureaucratic Politics of Foreign Policy. Washington D.C.: Brookings Institution, 2006, 400 p.
34. Hameiri Sh., Jayasuriya K. Regulatory Regionalism and Dynamics of Territorial Politics: The Case of Asia-Pacific Region // Political Studies. 2011. Vol. 59. No. 11. P. 20—37.
35. Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).
36. Kaplan R.D. Center Stage for the Twenty-First Century. Power Plays in the Indian Ocean // Foreign Affairs. 2009. Vol. 88. No. 2. P. 16—36.
37. Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. No. 3. P. 22—41.
38. Kissinger H.A. The Future of U.S. — Chinese Relations. Conflict Is a Choice, Not a Necessity // Foreign Affairs. 2012. Vol. 91. No. 2. P. 44—55.
39. Kobayashi Yuka, King J. Myanmar's Strategy in the China — Myanmar Economic Corridor: a Failure in Hedging? // International Affairs. 2022. Vol. 98. No. 3. P. 1013—1032. DOI: 10.1093/ia/iia049.
40. Lindsay J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy. Baltimore — London: The John Hopkins University Press, 1994. 228 p.
41. Liu Fu-Kuo. The Structural Change in the United States — China Relation: Security Implications for The Asia Pacific Region // East Asian Review. 2011. Vol. 14. P. 39—56.
42. Message to the Senate Transmitting a United States-China Agreement on Taxation. August 10, 1984. URL: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1984/81084a.htm> (дата обращения: 26.08.2011).

43. Minerals Security Partnership. URL: <https://www.state.gov/minerals-security-partnership/> (дата обращения: 23.03.2024).
44. National Security Strategy of the United States. Washington: White House, 1990. 32 p. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1990.pdf> (дата обращения: 25.03.2024).
45. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения: 28.12.2017).
46. Osborne P. Politics of Time: Modernity and Avant-Garde. London — New York: Verso, 1995. 272 p.
47. Pardo R.P. China and Northeast Asia's Regional Security Architecture: The Six-Party Talks as a Case of Chinese Regime-Building? // East Asia. 2012. Vol. 29. No. 4. P. 337—354.
48. Remarks on “Asia-Pacific’s Principled Security Network” at 2016 IISS Shangri-La Dialogue as Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Singapore, June 4, 2016. URL: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/791213/remarks-on-asia-pacifics-principled-security-network-at-2016-iiss-shangri-la-di> (дата обращения: 03.12.2016).
49. Schlesinger A.M.-Jr. The Cycles of American History. Boston — New York: A Mariner Book, 1999. 400 p.
50. Statement by Press Secretary Fitzwater on Continuation of China’s Most-Favored-Nation Trade Status. June 2, 1992. URL: <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research/> (дата обращения: 30.08.2011).
51. Sun Ru. The Prospects of the United States’ Asia-Pacific Alliance System // China International Studies. 2012. No. 4. P. 54—75.
52. Sutter R.G. The United States and Asia. Regional Dynamics and Twenty-First-Century Relations. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015. 327 p.
53. The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress. CRS Report for Congress. August 21, 2013 / Coordinator Fergusson I.F. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/213981.pdf> (дата обращения: 05.09.2014).
54. Topolski J. Metodologia Historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. 612 s.
55. Trans-Pacific Partnership. Goods Market Access. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Goods-Market-Access.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
56. Trans-Pacific Partnership. Government Procurement. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Government-Procurement.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
57. Trans-Pacific Partnership. Intellectual Property. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Intellectual-Property.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
58. Trans-Pacific Partnership. Investment and ISDS. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Investment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
59. Trans-Pacific Partnership. Labour and Environment. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Labour-and-Environment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
60. Trans-Pacific Partnership. Legal and Institutional Elements. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Legal-and-Institutional.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
61. Trans-Pacific Partnership. Market Access in Non-goods Sectors. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Market-Access-Service-Investment.pdf (дата обращения: 24.10.2015).

62. Trans-Pacific Partnership. Pharmaceutical and Medical Device Purchasing (Reimbursement). URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Pharmaceutical-and-Medical-Device-Purchasing-Reimbursement.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
63. Trans-Pacific Partnership. State-owned Enterprises and Designated Monopolies. URL: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_SOEs.pdf (дата обращения: 24.10.2015).
64. What Is the Chip 4 Alliance. September 12, 2022. URL: <https://www.chipfour.com/what-is-the-chip-4-alliance/> (дата обращения: 23.03.2024).

REFERENCES

1. Belokrenitskiy V.Ya. *Vostok v miropoliticheskikh protsessakh. Aziya i Afrika v istorii mezhdunarodnykh otnosheniy i sovremennoy mirorvoy politike* [The East in World Political Processes. Asia and Africa in History of International Relations and Contemporary World Politics]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., 2010, 320 p. (In Russ.)
2. *V Genkonsul'stve KNR rasskazali o vystuplenii Si Tszin'pina na 76-y sessii Genassamblei OON* [PRC Consulate General Reported about Xi Jinping's Speech at the 76th Session of the United Nations General Assembly]. Available at: <https://tass.ru/novosyi-partnerov/12475695> (accessed 16.02.2024). (In Russ.)
3. Garbuzov V.N. Amerikanskie konservativnye volny [American Conservative Waves]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2016, no. 5, pp. 3—17. (In Russ.)
4. Garbuzov V.N. *Revolyutsiya Ronal'da Reygana* [The Reagan Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 567 p. (In Russ.)
5. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya* [Identity: Individual, Society, Politics. New Outlines of the Research Field]. Executive ed. I.S. Semenenko. Moscow, Ves' Mir Publ., 2023, 512 p. (In Russ.)
6. *Kitay opublikoval kontseptsiyu initsiativy global'noy bezopasnosti* [China Published the Conception of Global Security Initiative]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17099845> (accessed 16.02.2024). (In Russ.)
7. Lukin A.L., Korotich S.A. Mezhdru Vashingtonom i Pekinom: chto zhdet aziatsko-tikhookeanskije al'yansy SShA? [The Asia-Pacific Alliances of the United States: Between Washington and Beijing]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 4, pp. 5—15. (In Russ.)
8. Lyudtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, vojny i vlasti* [History of Everyday Life in Germany: New Approaches to Labour, War and Power Studies]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 271 p. (In Russ.)
9. *Mekhanizm formirovaniya vneshney politiki SShA* [United States Foreign Policy Mechanism]. Ed. by G.A. Trofimenko, P.T. Podlesnyy. Moscow, Nauka Publ., 1986, 216 p. (In Russ.)
10. Nagornyy A.A., Parkanskiy A.B. *SShA i Kitay: ekonomicheskie i nauchno-tekhnicheskie aspekty kitayskoy politiki Vashingtona* [USA and China: Economic and Technical-Scientific Aspects of Wahington Chinese Policy]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 216 p. (In Russ.)
11. *Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: Opyt IMEMO v 1970-e gg.* [Fundamentals of the Theory of International Relations: IMEMO Experience

- in the 1970s]. Ed. by N.I. Inozemtsev. Moscow, Aspekt Press Publ., 2022, 623 p. (In Russ.)
12. Pechatnov V.O. *Ot Dzheffersona do Klintona. Demokraticheskaya partiya SShA v bor'be za izbiratelya* [From Jefferson to Clinton. The Democratic Party of the USA in the Struggle for the Voters]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 503 p. (In Russ.)
 13. Prekrasnye perspektivy i prakticheskie deystviya po sovmestnomu sozdaniyu ekonomicheskogo poyasa Shelkovogo puti i morskogo Shelkovogo puti XXI v. [Nice Prospects and Practical Efforts for the Joint Establishment of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road of the 21st Century]. State Committee for Development and Reform, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 3, pp. 255—270. (In Russ.)
 14. *Sovetsko-Amerikanskije otnosheniya v sovremennom mire* [Soviet-American Relations in the Contemporary World]. Ed. by G.A. Trofimenko, P.T. Podlesnyy. Moscow, Nauka Publ., 1987, 304 p. (In Russ.)
 15. Sogrin V.V. Arkhetipy i factory tsivilizatsii SShA [Archetypes and Factors in U.S. Civilization]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2009, no. 5, pp. 3—22. (In Russ.)
 16. Tolkachev S.A., Teplyakov A.Yu. Regional'naya promyshlennaya politika i reshoring v SShA [Regional Industrial Policy and Reshoring in the USA]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2016, no. 10, pp. 56—72. (In Russ.)
 17. Travkina N.M. Vybory-2008: vremya nesistemnykh politikov? [Elections-2008: Time for Non-System Politicians?]. *SShA — Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, 2008, no. 9, pp. 3—36. (In Russ.)
 18. Travkina N.M. *SShA: partii, byudzhet, politika* [USA: Parties, Budget, Politics]. Moscow, Nauka Publ., 2008, 275 p. (In Russ.)
 19. Shveytser P. *Pobeda. Rol' taynoy strategii SShA v raspade Sovetskogo Soyuz a i sotsialisticheskogo lagerya* [Victory: The Reagan Administration's Secret Strategy that Hastened the Collapse of the Soviet Union]. Minsk, Avest Publ., 1995, 464 p. (In Russ.)
 20. *Ekonomika SShA v XXI veke: vyzovy i tendentsii razvitiya* [US Economy in the 21st Century: Challenges and Development Trends]. Ed. by V.B. Supyan. Moscow, Ves' Mir Publ., 2018, 424 p. (In Russ.)
 21. *American Foreign Policy. Current Documents. 1983*. Washington D.C., Department of State Publ., 1985, 1477 p. (In Eng.)
 22. *American Foreign Policy. Current Documents. 1987*. Washington D.C., Department of State Publ., 1988, 894 p. (In Eng.)
 23. Bolton J. *The Room Where It Happened. A White House Memoir*. New York, Simon & Schuster Publ., 2020, 577 p. (In Eng.)
 24. Campbell K.M. *The Pivot. The Future of American Statecraft in Asia*. New York, Boston, Twelve Publ., 2016, 399 p. (In Eng.)
 25. Chiang Min-Hua. The Potential of China — Japan — South Korea Free Trade Agreement. *East Asia*, 2013, vol. 30, no. 3, pp. 199—216. (In Eng.)
 26. Christensen T.J. *The China Challenge. Shaping the Choices of a Rising Power*. New York, London, W.W. Norton & Company Publ., 2015, 371 p. (In Eng.)
 27. *Congressional Record. Extensions of Remarks*. October 10, 2013, pp. E1478—E1480. Available at: <https://www.congress.gov/112/crec/2013/10/10/CREC-2013-10-10-pt1-PgE1478-3.pdf> (accessed 14.09.2017). (In Eng.)

28. *Congressional Record* — House. November 18, 2010, pp. H7594—H7600. Available at: <https://www.congress.gov/112/crec/2010/11/CREC-2010-11-18-pt1-PgH7594.pdf> (accessed 14.09.2017). (In Eng.)
29. *Congressional Record. Proceedings and Debates of 112th Congress, 1st Session*. November 17, 2011, vol. 157, no. 176. Available at: <https://www.congress.gov/112/crec/2011/11/17/CREC-2011-11-17.pdf> (accessed 01.03.2022). (In Eng.)
30. De Castro R.C. Under the Shadow of the Giants: The ASEAN in Search of a Common Strategy in a Fluid and Perilous Indo-Pacific Region. *Asian Journal of Comparative Politics*, 2021, no. 1, pp. 1—20. (In Eng.)
31. Economy E.C. The Game Changer. Coping With China's Foreign Policy Revolution. *Foreign Affairs*, 2010, vol. 89, no. 6, pp. 142—152. (In Eng.)
32. *H.R. 1152 — Silk Road Strategy Act of 1999*. Available at: www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1152 (accessed 25.02.2024). (In Eng.)
33. Halperin M., Clapp P. *Bureaucratic Politics of Foreign Policy*. Washington D.C., Brookings Institution Publ., 2006, 400 p. (In Eng.)
34. Hameiri Sh., Jayasuriya K. Regulatory Regionalism and Dynamics of Territorial Politics: The Case of Asia-Pacific Region. *Political Studies*, 2011, vol. 59, no. 11, pp. 20—37. (In Eng.)
35. *Indo-Pacific Strategy of the United States*. February 2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 06.04.2022). (In Eng.)
36. Kaplan R.D. Center Stage for the Twenty-First Century. Power Plays in the Indian Ocean. *Foreign Affairs*, 2009, vol. 88, no. 2, pp. 16—36. (In Eng.)
37. Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea. *Foreign Affairs*, 2010, vol. 89, no. 3, pp. 22—41. (In Eng.)
38. Kissinger H.A. The Future of U.S.—Chinese Relations. Conflict Is a Choice, Not a Necessity. *Foreign Affairs*, 2012, vol. 91, no. 2, pp. 44—55. (In Eng.)
39. Kobayashi Yuka, King J. Myanmar's Strategy in the China—Myanmar Economic Corridor: a Failure in Hedging? *International Affairs*, 2022, vol. 98, no. 3, pp. 1013—1032. DOI: 10.1093/ia/iia049. (In Eng.)
40. Lindsay J.M. *Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy*. Baltimore, London, The John Hopkins University Press Publ., 1994, 228 p. (In Eng.)
41. Liu Fu-Kuo. The Structural Change in the United States—China Relation: Security Implications for The Asia Pacific Region. *East Asian Review*, 2011, vol. 14, pp. 39—56. (In Eng.)
42. *Message to the Senate Transmitting a United States-China Agreement on Taxation*. August 10, 1984. Available at: <http://www.reagan.utexas.edu/archives/speeches/1984/81084a.htm> (accessed 26.08.2011). (In Eng.)
43. *Minerals Security Partnership*. Available at: <https://www.state.gov/minerals-security-partnership/> (accessed 23.03.2024). (In Eng.)
44. *National Security Strategy of the United States*. Washington, White House Publ., 1990, 32 p. Available at: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1990.pdf> (accessed 25.03.2024). (In Eng.)
45. *National Security Strategy of the United States of America*. December 2017. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (accessed 28.12.2017). (In Eng.)
46. Osborne P. *Politics of Time: Modernity and Avant-Garde*. London, New York, Verso Publ., 1995, 272 p. (In Eng.)
47. Pardo R.P. China and Northeast Asia's Regional Security Architecture: The Six-Party Talks as a Case of Chinese Regime-Building? *East Asia*, 2012, vol. 29, no. 4, pp. 337—354. (In Eng.)

48. *Remarks on "Asia-Pacific's Principled Security Network" at 2016 IISS Shangri-La Dialogue as Delivered by Secretary of Defense Ash Carter, Singapore, June 4, 2016.* Available at: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/791213/remarks-on-asia-pacifics-principled-security-network-at-2016-iiss-shangri-la-di> (accessed 03.12.2016). (In Eng.)
49. Schlesinger A.M.-Jr. *The Cycles of American History.* Boston, New York, A Mariner Book Publ., 1999, 400 p. (In Eng.)
50. *Statement by Press Secretary Fitzwater on Continuation of China's Most-Favored-Nation Trade Status.* June 2, 1992. Available at: <http://www.bushlibrary.tamu.edu/research/> (accessed 30.08.2011). (In Eng.)
51. Sun Ru. The Prospects of the United States' Asia-Pacific Alliance System. *China International Studies*, 2012, no. 4, pp. 54—75. (In Eng.)
52. Sutter R.G. *The United States and Asia. Regional Dynamics and Twenty-First-Century Relations.* Lanham, Rowman & Littlefield Publ., 2015, 327 p. (In Eng.)
53. *The Trans-Pacific Partnership Negotiations and Issues for Congress. CRS Report for Congress.* August 21, 2013. Coordinator Fergusson I.F. Available at: <http://fpc.state.gov/documents/organization/213981.pdf> (accessed 05.09.2014). (In Eng.)
54. Topolski J. *Metodologia Historii.* Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1973, 612 s. (In Pol.)
55. *Trans-Pacific Partnership. Goods Market Access.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Goods-Market-Access.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
56. *Trans-Pacific Partnership. Government Procurement.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Government-Procurement.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
57. *Trans-Pacific Partnership. Intellectual Property.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Intellectual-Property.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
58. *Trans-Pacific Partnership. Investment and ISDS.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Investment.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
59. *Trans-Pacific Partnership. Labour and Environment.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Labour-and-Environment.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
60. *Trans-Pacific Partnership. Legal and Institutional Elements.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Legal-and-Institutional.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
61. *Trans-Pacific Partnership. Market Access in Non-goods Sectors.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Market-Access-Service-Investment.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
62. *Trans-Pacific Partnership. Pharmaceutical and Medical Device Purchasing (Reimbursement).* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_Pharmaceutical-and-Medical-Device-Purchasing-Reimbursement.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
63. *Trans-Pacific Partnership. State-owned Enterprises and Designated Monopolies.* Available at: https://tpp.mfat.govt.nz/docs/TPP_factsheet_SOEs.pdf (accessed 24.10.2015). (In Eng.)
64. *What Is the Chip 4 Alliance.* September 12, 2022. Available at: <https://www.chipfour.com/what-is-the-chip-4-alliance/> (accessed 23.03.2024). (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 01.04.2024